
ЖАНР РОМАНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАЗАХСТАНА КОНЦА XX И НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

К.О. Таттимбетова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Статья посвящена рассмотрению места романного жанра в современном литературном процессе. Автор затрагивает вопрос осмысления современными писателями судьбы молодого интеллектуала в обществе. Изменение стиля романых текстов обусловило появление одной из разновидностей современного казахстанского романа — исповедальной прозы (дневники, мемуары, воспоминания и др.). Размышления автора подкрепляются примерами, иллюстрирующими и подтверждающими особенности жанра романа в русской литературе Казахстана.

Ключевые слова: жанр, роман, исповедальная проза, дневники, мемуары

Современные казахстанские писатели, независимо от их принадлежности к тому или иному направлению и течению, стремятся осмыслить судьбу молодого интеллектуала в обществе на стыке веков. В большинстве своем они сами представляют собой тип европейского интеллектуала, воспитанного в Азии, но живущего универсальными для информационной цивилизации темами. Они живут в открытом мире без границ, сосуществуют в общем культурном пространстве с российскими и европейскими писателями, но все же творчество казахстанских романистов имеет свои особенности. Как считает один из представителей новой волны молодых казахстанских романистов Михаил Земсков, наши авторы очень быстро потеряли духовную, ментальную связь с Советским Союзом, его идеологией и образом мышления. «Как-то мы очень быстро переориентировались на разные другие векторы, идеалы — европейские, азиатские, — считает Земсков. — То, что волнует нашего писателя, часто не находит отклика у российской аудитории, в российском пространстве. Например, там до сих пор очень погружены в социальные проблемы, в проблемы двух чеченских войн» [1. С. 7]. Поэтому казахстанская проза о жизни реальных людей имеет сюрреалистический оттенок со своеобразным среднеазиатским колоритом.

Одной из характерных примет современной крупной прозы можно считать размытые границы художественного и публицистического. Авторы прямо апеллируют к читателям, выражая свою обеспокоенность проблемами сегодняшнего дня в риторической форме. Неслучайно одной из разновидностей современного казахстанского романа стала исповедальная проза в виде дневников, мемуаров, воспоминаний Дм. Снегина, И. Щеголихина, Г. Бельгера и др.

Особое место в современной литературе отводится женской прозе, при этом имеется в виду гендерная характеристика автора, а не стилевые и прочие художественные особенности текста, т.е. речь идет о прозе, написанной женщиной о женщине. Критики отмечают, что традиционно современная женская проза тя-

готеет к реализму, так как утверждает утраченные семейно-бытовые нормы, говорит о праве женщины на сугубо женскую реализацию (дом, дети, семья), то есть отстаивает традиционный набор ценностных позиций. Иначе говоря, женщина-автор уверена в том, что женское счастье стоит искать в пространстве семьи.

Самое яркое имя в истории казахстанского женского романа — Ольга Марк — Ольга Борисовна Маркова (литературный псевдоним О. Марк; 16 декабря 1963 — 5 декабря 2008, Алма-Ата) — казахстанская писательница, литературовед, критик, основатель и президент общественного фонда развития культуры и гуманитарных наук «Мусагет».

После фантазмагорических рассказов О. Марк написала необычную по форме и содержанию повесть «Воды Леты» [2. С. 22], в которой главный герой проходит реабилитацию в больнице, у него полная амнезия, но цель лечения не в том, чтобы вернуть ему память, а в том, чтобы приспособить его к новой действительности, наступившей после Великой Катастрофы. Повествование представлено в виде антиутопии-предостережения в сочетании с психологическим триллером.

Следующее произведение О. Марк «Предсказание» [3] имеет подзаголовок «страницы романа». Герой — успешный бизнесмен, ревнующий молодую жену. Сюжет развивается по заданному сценарию: предполагаемые адюльтеры, трудные дети от первого брака, друзья, любовница. Замышляя преступление, герой обращается к гадалкам, к адвокату в надежде узнать, удастся ли избежать наказания. Гадания на кофейной гуще, на бобах, с использованием безвинно убиенного петуха дают один результат: он совершит убийство и будет казнен. Предопределен и срок расплаты за злодеяние: через два месяца, хотя адвокат уверяет, что процедура от следствия до расстрела никак не может занять столь короткий промежуток времени. Интрига захватывающая, сюжет динамичен, полон неожиданных коллизий, быт хорошо узнаваем через современные реалии. Но главное отличие от бытовых романов и семейных драм заключается в том, что автор исследует прежде всего то, как уживаются с идеей свободной воли предсказание и предопределенность, существуют ли связи между предназначением и личностью, судьбой.

Обращение к современному казахстанскому роману как порождению *миддл-литературы* имеет свое основание. Во-первых, миддл-литература — требование нового времени, представляет собой результат компромисса между элитарным и массовым искусством. Для нее характерно, с одной стороны, использование жанрового кода детектива, плутовского романа, фантастики, растворение авторского «я», свойственного массовой литературе, с другой — интеллектуальные запросы, интертекстуальность, постмодернистский дискурс, т.е. ее можно воспринимать как «элитарную» литературу для «массового» читателя, которая имеет благородную цель просвещения «массы», воспитания ее вкусов. При этом «умная» книга ни в коем случае не должна быть «сложным» чтением, наоборот, она должна иметь захватывающий и интересный сюжет, быть, возможно, более остросюжетной, чем боевики и детективы. Таковым установкам соответствуют романы многих казахстанских писателей, и в первую очередь романы идеолога этого направления Михаила Земскова. Его первый роман «Перигей» построен в соответ-

ствии с законами миддл-литературы и назван «антиутопией с элементами фантасмагории» [4. С. 63].

Главный герой-повествователь Михаил Иванов из-за предательства друга, подожившего ему наркотики в карман, отсидел двенадцать лет в кубинских и мексиканских тюрьмах. Последние неполных два года поработал в Америке и теперь возвращается чудесным образом в Россию. Он не узнает свою родину, Россия 2017—2020-х гг. снова стала закрытой страной, вся информация, которую получает о ней внешний мир — съемки со спутника, по которым можно понять только то, что русские постоянно смеются. За годы его отсутствия Россия стала цивилизацией «хихикающих дегенератов». Новая власть нашла самое верное средство оболванивания людей. По словам сохранившего способность к критическому суждению аборигена, когда люди смеются, у них что-то выделяется в мозгах — какой-то химический элемент, — и они чувствуют себя счастливыми. А счастливыми людьми проще управлять. Любой тоталитаризм держится либо на запуганных, либо на счастливых, которые всем довольны. Писатель изображает мир примитивных радостей, снаружи веселый, подспудно недобрый и страшный.

Следующий роман М. Земскова «Сектант» [5] представляет по форме захватывающий философский триллер, многое в нем основано на реальных событиях. В романе рассказывается о поисках еретического евангелия от Иоанна, согласно легенде, спрятанного несторианами в предгорьях Тянь-Шаня. Компания молодых ребят, среди которых и главный герой — парень-фотомодель, оставшийся без работы, отправляется в путешествие забавы ради, даже не подозревая, какой трагедией обернется это приключение. Руководит ими таинственный гуру, а в числе кладоискателей — его ученики, готовящиеся к некой «новой практике». Странные и необъяснимые события, происходящие с кладоискателями, заставляют их задуматься о смысле жизни и в корне меняют их представления о мире.

Эта же тема — судьба современного человека в современном мире — в центре романа Николая Веревошкина «Зуб мамонта (летопись мертвого города)» [6].

Сюжет о жизни североказахстанского целинного городка мифологичен, символика начиная от имени городка — Степноморск — многослойна. Степноморск построен на месте затопленной североказахстанской деревни Ильинки и представлял до перестройки райский уголок: в нем были музыкальная школа, самодеятельный театр, авиация и роща вместо центральной площади, рыбалка, грибы, короче говоря, гармония природы и цивилизации. Так же мифологичны его жители: «Это была морозоустойчивая, головастая, выведенная в рискованной зоне порода целинных интеллигентов с телами атлетов и мозолистыми лапами пахарей, представители которого не только профессионально исполняли свои обязанности, что-то изобретали и сочиняли по ночам, но могли правильно забить гвоздь, накосить сено, а между делом занять первое место на районных соревнованиях по десятиборью. В основном это были молодые учителя...» [6. С. 28].

Один из героев — Виктор Николаевич Мамонтов «был тем самым всесторонне и гармонически развитым человеком, скорое появление которого, мало в это веря, предрекали в те годы ученые-обществоведы». Он гениальный учитель фи-

зики, лучший комбайнер, заядлый рыбак и спортсмен, гитарист, бард, на велосипеде и байдарке вместе с сыном и друзьями во время каникул пересекает всю республику. Он любил писать маслом космические пейзажи, конструировать велосомобиль, плести кресло-качалку, просто смотреть в телескоп на ночное небо. Мечтатель и романтик, он на все свои сбережения строит парусный корабль. Таких чудачков, мечтателей-романтиков в городке много, все они влюблены в свой город, в свое творчество и в жизнь. Поэтому они уверены, что, «если Бог существует, то он живет в провинции...» [6. С. 87]. Красной нитью в этой части сюжета проходит мотив надежного, прочно сколоченного ковчега, который стал тонуть с началом перестройки.

Вторая часть сюжета посвящена поискам средств спасения. Городок-рай тонет, разрушается стремительно, люди к осени уезжают на заработки на север, в Россию, а летом возвращаются к своим старикам. Город грабят жители соседних деревень и аулов. Старики один за другим умирают, их хоронят могильщики Павел Козлов, спившийся бывший строитель города, и его сын Руслан, наркоман, которого мать отправила к отцу, подальше от Алматы и приятелей-наркоманов. Гибель города предстает как возмездие, кара за это святотатство (когда строили город, потревожили кости мамонта).

И сами жители города — это тоже мамонты, тип сильных и нравственных людей-созидателей, которым нет места на этой земле. Поэтому много места уделено потерям и утратам: Мамонтовы уезжают в Россию, кто-то — в Германию или в Израиль, Козлов умирает, художник Гофер вешается и т.д.

Остается Руслан — по существу сирота, потерявший мать и трех своих отцов, метис, «по лицу которого не определишь, где у человека больше родственников — в Азии или Европе». Руслан отрекся от возлюбленной, запретил себе иметь семью, детей, т.е. он лишил себя и культуры, которую он представляет, будущего. Николай Веревошкин поднимает серьезную для нашего времени тему: где современному человеку найти точку опоры в мире, в котором рухнули все привычные на первый взгляд надежные, незыблемые, структуры.

Этого писателя отличает стремление создать современный миф об обычных людях, попавших в необычную ситуацию. В других романах «Белая дыра», «Человек и без имени» он учит читателя увидеть в трагическом хаосе происходящего вечные ценности, определить смысл своей жизни и свое место во вселенной. Основная идея Н. Веревошкина: человек может быть беден, неталантлив, неумен, доведен до отчаяния, может совершать ошибки и даже утратить имя. Но человек не может жить без души, и он не должен быть подлым. Потому что если разрушена душа, погибает и сам человек. Герой Веревошкина стоит перед выбором — между разрушением и созиданием, жизнью и смертью, душевной чуткостью и духовной глухотой и немотой.

Культура Казахстана произрастает не только из казахской культуры, но из множества культур иных, и именно этот факт порождает новых авторов и новые жанровые формы, среди которых особое место занимает творчество *писателей-маргиналов*. Естественно, что тема маргинального сознания личности, оказавшейся за пределами своей исторической родины, и возможностях его преодоления, ста-

новится ведущей в романах казахстанского писателя-полилингва Герольда Карловича Бельгера («Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», Александра Кана «Треугольная земля», «Сны нерожденных», «Обретенный шаман»). Кстати отметим, что эта тема волнует и других писателей Казахстана, пишущих на русском языке.

Особый интерес представляют в рассматриваемом нами ракурсе романы Г. Бельгера, профессионально пишущего на трех языках: русском, казахском и немецком. Бельгер, как и Морис Симашко, Александр Кан и многие писатели других национальностей, живущие в Казахстане, видит в восточных людях, их менталитете некое спасение, духовное и бытовое прибежище и пишут об этом откровенно и без комплиментарности.

Роман «Дом скитальца» [7] называют своеобразным художественным музеем депортации, в нем отражена драматическая судьба советских немцев, подвергшихся в 1941 г. массовому переселению.

В романе «Туюк су» [8] главным является мотив исторической памяти. Главный герой — Эдмонд Ворм, немецкий писатель, живущий в Германии, который приезжает на иссык-кульский семинар среднеазиатских литераторов. После семинара он решил навестить те места, где прошло его детство и юность, — аул Туюк су — место обитания многих депортированных в годы войны национальностей на юге Казахстана. Десять лет назад Эдмонд, возможно, поспешно покинул Казахстан ради сытой Германии, вернувшись сюда, он не узнает собственноручно выстроенную, некогда роскошную усадьбу, превратившуюся в убогое жилище. Расцвет этих мест пришелся на тридцатые годы, когда существовал колхоз имени Кирова, позже он стал Туюк су — тихой заводью, откуда стали уезжать все спецпереселенные в эти места люди.

Повествование ведется в двух плоскостях — в настоящем и прошлом. Герой вспоминает трагические истории простых аульчан и спецпереселенцев-немцев, о том, как они поддерживали друг друга в те трагические годы. Тему сюжета следующего романа писатель обозначил как «разлад в жизни, в семье, в обществе, в душе, в сердце, в думах, в поступках». В «Разладе» [9] две драматичные людские судьбы аульного учителя в прошлом, ныне пенсионера, ветерана войны Мамбета Казиевича Адилова и его односельчанина и друга, бывшего колхозного тракториста и комбайнера, тоже пенсионера Карла Деграфа, которого казахи зовут Карл-аксакал. Он «говорил с аульчанами совершенно свободно по-казахски, а по-немецки общался уже долгие годы исключительно с дворнягой Рексом». Эти два героя, всю жизнь прожившие честно и верившие в советский строй, оказались волею судьбы в другой, новой жизни. Они страдают оттого, что не могут раскрыть глаза своим детям и внукам на вечные ценности.

Несмотря на сетования казахстанских критиков о кризисе романного жанра в последние годы этот жанр занимает доминирующее место в литературном процессе. Хотя надо признать, что современные романские тексты стали иными, новаторскими с точки зрения стиля, с усложненной формой письма (поток сознания, повествовательной многослойностью, активными контекстами и подтекстами). Однако их авторов объединяет желание адекватно рассказать о жизни, о знакомой нам, современникам писателя, общей жизни, а значит, и о смысле человеческой жизни вообще.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Земсков М. Становлюсь реалистом // Time Out. Алматы. № 69 / 3 августа — 25 сентября 2009.
- [2] Марк О. Воды Леты. Алматы: Мусагет, 2002.
- [3] Марк О. Предсказание. Алматы: Мусагет, 2006.
- [4] Земсков М. Перигей: Роман-фантазмагория с элементами антиутопии // Дружба народов. 2007. № 8. С. 11—160.
- [5] Земсков М. Сектант. М.: Эксмо, 2010. 320 с.
- [6] Веревошкин Н. Зуб мамонта (летопись мертвого города). Алматы: Фонд Сорос-Казахстан, 2003.
- [7] Бельгер Г. Дом скитальца // Бельгер Г. Избранное. Т. 3. Алматы : Балалар әдебиеті, 2010. 400 с.
- [8] Бельгер Г. Туюк су // Бельгер Г. Избранное. Алматы; Vox Populi, 2009.
- [9] Бельгер Г. Разлад // Бельгер Г. Избранное. Алматы; Vox Populi, 2009.

NOVEL GENRE IN THE RUSSIAN LITERATURE OF KAZAKHSTAN (The end of the XX — beginning of the XXI centuries)

К.О. Tattimbetova

Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi avenue, 71, Almaty, Kazakhstan, 050038

In article the author speaks about the dominating place of a novelistic genre in modern literary process, and also data that modern novelistic texts became others from the point of view of style are stated. There is a speech about modern writers who irrespective of their belonging to this or that direction and a current, seek to comprehend destiny of the young intellectual in modern society. The author raises the question that the confessionary prose in the form of diaries, memoirs, memoirs, etc. became one of kinds of the modern Kazakhstan novel. Article contains a large number of examples and quantitative data of an illyustriruyushcha and the confirming basic provisions of article. Besides in article are cited novels of writers which open a novel genre in the Russian literature of Kazakhstan.

Key words: genre, novel, confessionary prose, diaries, memoirs

REFERENCES

- [1] Zemskov M. *Stanovlyus realistom* [Becoming a realist]. // Time Out Almaty. No. 69/3 of August — on September 25, 2009.
- [2] Mark O. *Leta's waters*. [Water Years]. Almaty, Musaget, 2002.
- [3] Mark O. *Predskazaniye*. [Prediction.]. Almaty, Musaget, 2006.
- [4] Zemskov M. *Perigej: Roman-fantasmagoriya s jelementami antiutopii*. [Perigey: The novel phantasmagoria with anti-Utopia elements]. // Journal "Druzhiba narodov". 2007. No. 8. Pp. 11—160.
- [5] Zemskov M. *Sektant*. [Cultist]. Moscow, Эксмо Publ., 2010. 320 p.
- [6] Verevochkin N. *Zub mamonta (letopis' mertvogo goroda)*. [Zub of a mammoth (chronicle of the dead city)]. Almaty, Fund Soros Kazakhstan Publ., 2003.
- [7] Belger G. *Dom skital'ca*. [Home of the wanderer]. // Belger G. Favourites. V.3. Almaty, Balalar adebiti Publ., 2010. 400 p.
- [8] Belger G. *Tuyuk su*. [Tuyuk sou]. // Belger G. Favourites. Almaty, Vox Populi Publ., 2009.
- [9] Belger G. *Razlad*. [Disorder]. // Belger G. Favourites. Almaty, Vox Populi Publ., 2009.